

О НАЛОГАХ И НАЛОГОВОЙ ДИСЦИПЛИНЕ КРЕСТЬЯН ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 апреля 2020 г.

Аннотация: анализ финансового состояния крестьянских хозяйств Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. показывает, что номинальные размеры налогов в целом соответствовали производственным возможностям крестьянских хозяйств. Рост задолженностей по налогам объяснялся как недостатками податной системы, так и господством натурально-потребительской экономики крестьянских общин. Слабая эффективность налоговой системы отражала кризисное состояние государственного регулирования народной жизни.

Ключевые слова: выкупные платежи, государственная налоговая политика, повинности, крестьянство, Воронежская губерния, община.

Abstract: the article analyzes the peasant financial obligations of the Voronezh region at the second part of the 19th Century and the beginning of the 20th Century. The local sources showed that the tax burden was not crucial for the economic capacities of the peasantry. The article describes the role of the peasant commune as the regulator of peasant financial obligations. The growth of financial debts was the direct result of low effectiveness of the Russian administration and the deficit of order in peasant life.

Key words: redemption payments, state fiscal policy, taxes, peasantry, Voronezh region, commune.

Финансовое положение крестьянских хозяйств в дореволюционной России до сих пор исследовано слабо. Среди либеральных и особенно народнических исследователей дореволюционного времени сохраняла популярность книга Ю. Э. Янсона, писавшего о чрезмерной обременительности финансовых повинностей крестьянства после отмены крепостного права [1, с. 25]. Оппозиционная интеллигенция сразу же поддержала выводы исследователя о грубых перекосах в социальной политике правительства. Между тем уже некоторые современники отмечали очевидную тенденциозность положений Янсона. Представленная им картина крестьянских повинностей получалась, по справедливому замечанию И. А. Христофорова, «неправдоподобной: оставалось только гадать, каким образом миллионы крестьянских хозяйств при таком катастрофическом обложении выживают уже полтора десятка лет, и кое-где весьма успешно» [2, с. 301].

В отечественной историографии мнение о тяжелом налоговом бремени, лежавшем на крестьянах, считалось аксиоматичным. Советские историки были сами убеждены и убеждали читателей, что царское правительство весь смысл своей деятельности видело только в том, чтобы эксплуатировать народ. Поэто-

му мысль о росте материального благосостояния крестьянства при самодержавии им представлялась кощунственной, поскольку она посягала на основной постулат марксистско-ленинской историографии о необходимости, закономерности и неизбежности социалистической революции в России. Отчасти поэтому реальная роль налоговых платежей в жизни крестьянских хозяйств изучалась крайне мало. Приходится констатировать, что внушительные исследования крестьянских бюджетов известного воронежского статистика Ф. А. Щербины, проводившиеся еще в конце XIX в., до сих пор не нашли достойного продолжения.

Наиболее развернутое обоснование тезиса о непомерной тяжести налогового бремени пореформенного крестьянства дал в своих трудах А. М. Анфимов, пользовавшийся заслуженным авторитетом одного из лучших знатоков аграрной проблематики и отлично знавший источники. Однако приведенные в исследованиях Анфимова достоверные статистические сведения ставят под сомнение правоту идеологических установок историка. Он сообщает, например, что казенные, земские, мирские и страховые сборы (иначе говоря, все прямые налоги) крестьян Европейской России в 1904 г. в сумме составляли 181,7 млн руб. При этом казенные налоги в годовом измерении насчитывали свыше 81 млн руб., земские сборы – свыше 32 млн, мирские – около 48 млн, страховые взно-

сы – около 20 млн [3, с. 490]. Крестьяне, как наиболее многочисленное сословие, помимо введенной еще в XVIII в. подушной подати, платило всего один государственный налог – поземельный. Но подушная подать была оменена в середине 1880-х гг., а поземельный налог, введенный для всех владельцев земли в 1874 г., был весьма незначителен; в Воронежской губернии его размер составлял всего 11–12 коп. с десятины.

Правда, в состав казенных налогов включались и выкупные платежи за полученную крестьянами после отмены крепостного права землю. Общая численность крестьянских дворов в Европейской России определялась в 12,5 млн, следовательно, в среднем на двор приходилось прямых налогов немногим больше 14,5 руб. [там же]. В начале XX в., констатирует далее Анфимов, прямые налоги существенно уменьшились. «Государственные поземельные налоги с наделных земель снизились с 91 млн руб. в 1901 г. и 82,6 млн руб. в 1904 г. до 18,9 млн руб. в 1907 г. и 10,9 млн руб. в 1912 г.» [там же]. Такое сокращение повинностей произошло после отмены с 1907 г. выкупных платежей. Правда, с января 1906 г. была вдвое увеличена ставка поземельного налога. Но даже после этого сумма государственного поземельного налога по стране равнялась в 1914 г. 30,6 млн руб. Налог этот взимался, естественно, не только с наделных крестьянских, но и всех частных земель. В Курской губернии, например, ставка этого налога составляла всего 17 коп. с десятины, в Харьковской – только 9,5, в Воронежской – 11–12. Если учесть, что стоимость пуда зерна колебалась в зависимости от урожайности от 50 коп. до 1 руб., а средний урожай в губернии составлял примерно 50 пудов с десятины, то обременительным такой налог никак не выглядел.

В последние десятилетия XIX и особенно в начале XX в. быстро росли и достигли внушительных цифр земские сборы. Если в 1901 г. они составили 29,3 млн руб., то к 1912 г. возросли до 63,1 млн руб., т. е. почти вдвое. До 51,1 млн руб. возросли и мирские сборы [там же]. Однако сетования по поводу их роста вызывают сильные сомнения. И земские, и тем более мирские деньги из региона не уходили и тратились в основном на самих же крестьян, в частности, на школы и медицинские учреждения. Сообщая эти данные, Анфимов одновременно старался убедить читателя в глубокой несправедливости налоговой политики правительства. Даже уменьшение финансовых повинностей, по его мнению, было направлено не на улучшение жизни народа, а на то, чтобы «определенная часть крестьянства, преимущественно более зажиточная, ослабила борьбу против царизма» [там же]. Похоже, историк искренне считал, что царское правительство никогда и ни при каких условиях ничего доброго для народа делать не могло. Низкий

уровень государственного поземельного налога он объяснял заботой власти об интересах помещиков, но никак не крестьян, хотя сам же приводил убедительные данные о том, что к началу XX в. крестьянское землевладение по своей площади втрое превосходило землевладение дворянское [4, с. 41–44].

Между тем, анализируя рост косвенных налогов, Анфимов сообщает, что на водку в 1901 г. крестьяне потратили 140,2 млн руб., а в 1912 г. уже 256,3 млн руб., т. е. в 25 раз больше годовичного объема поземельного налога со своих наделов! На чай же в 1912 г. крестьяне Европейской части России потратили около 46 млн руб., т. е. в 1,5 раза больше земских сборов, которые, как писал Анфимов, тяжелым бременем лежали на крестьянах [3, с. 494]. Бремя же водочных и чайных расходов особо автором не обсуждалось и признавалось как бы естественным и неотвратимым.

Понятно, что о тяжести налогов нельзя судить, не учитывая доходов населения. Так вот общий доход крестьян Европейской России в 1900 г. Анфимов оценивал в 2659,7 млн руб. [там же]. Опираясь историк и на статистические расчеты С. Н. Прокоповича, оценивавшего общий доход от сельского хозяйства Европейской России в 1913 г. в 5,6 млрд. руб. [5, с. 41]. Причем на долю крестьян пришлось перед мировой войной 5,015 млрд руб. годового дохода. Между тем эти подсчеты показывают, что за время с 1900 до 1913 г. доходы крестьян выросли практически вдвое. Советские историки давно подсчитали, что крестьянские хозяйства в начале XX в. давали до 90 % валовой продукции сельской экономики [6, с. 120]. Следует учесть также, что цена на рожь в 1896 г. составляла 57 коп. за пуд, а к 1913 г. она поднялась до 1 руб. 45 коп., что, естественно, заметно повысило материальный достаток и платежеспособность крестьянства.

Очевидно, что доля прямых налогов и сборов в крестьянских хозяйствах никак не могла превышать 6–7 %. Считать такие повинности чрезмерно обременительными можно было с большой натяжкой. Признавая фактический рост крестьянских доходов, А. М. Анфимов сетовал, что распределялись они у крестьян неравномерно, как бы забывая, что равномерного распределения доходов не бывает практически нигде и никогда. Кроме того, историк отметил быстрый рост косвенных налогов, поскольку крестьяне стали тратить очень большие суммы на водку и чай. Подытожив рост денежных расходов крестьян в начале XX в., Анфимов все-таки констатировал, что налоги «давили на них колоссальной тяжестью с тенденцией к еще большему увеличению» [3, с. 505].

Опираясь примерно на те же статистические расчеты, Б. Н. Миронов, напротив, пришел к выводу о том, что благосостояние крестьян на рубеже XIX–XX вв. укреплялось. Рост косвенных налогов, резон-

но пишет он, свидетельствовал о несомненном увеличении доходности крестьянских хозяйств [7, с. 318]. Эти оценки поддержал М. А. Давыдов. Хронические недоимки при исполнении финансовых повинностей оба автора выводят не из экономических условий, а из больших недостатков податной политики государственной власти [8, с. 34–35]. Смелые доводы Мирнова сразу же привели к возникновению острого спора среди отечественных исследователей. С резкими возражениями выступили сторонники прежней версии об обострении крестьянской нужды в канун революционных потрясений начала XX в. [5, с. 127–136; 9, с. 611–613; 10, с. 73–86]. В понимании принципиального вопроса о материальном положении населения России в последние годы существования монархии возникло весьма острое разногласие. Путь к разрешению столь принципиального спора лежит только через продолжение конкретных исследований экономического и финансового положения крестьянских хозяйств, причем в первую очередь на региональном уровне.

Сведения, сохранившиеся в архивных фондах местных органов государственной власти, дают возможность внести существенные уточнения в представления об особенностях налоговой ситуации в крестьянской среде. Они свидетельствуют, что прямые налоговые повинности крестьян в последние десятилетия существования монархии нельзя признать чрезмерными. Государственный земельный налог, как сказано выше, не мог обременять крестьянскую семью. Сумма окладных сборов по государственному поземельному налогу в Воронежской губернии в 1897 г. составляла 341 502 руб. В губернии насчитывалось примерно 350 тыс. крестьянских дворов, следовательно, по этому налогу на двор приходилось менее 1 руб. при валовом доходе среднего крестьянского двора в 500–600 руб.

Гораздо более серьезную нагрузку на крестьянский бюджет давали земские сборы. Их годовой оклад в губернии составлял в начале XX в. около 3 млн руб. В среднем на двор приходилось по 8–10 руб., из них губернский сбор составлял примерно 2–3 руб., а уездный – 6–8 руб. Однако и эти сборы нельзя считать слишком тяжелыми. По стоимости они равнялись примерно 15 пудам ржи. Не был слишком обременительным и третий вид платежей – мирские сборы. В Воронежской губернии их годовой оклад был примерно вдвое меньше земского. Отметим также, что необходимость в таких сборах была для крестьян очевидной. Как земские, так и мирские сборы из своих территорий не уходили и расходовались на местные, главным образом, крестьянские нужды. Примерно такая же ситуация была с обязательными для крестьян страховыми взносами. По своей величине они примерно соответствовали мирским сборам

и тратились в основном на частичное возмещение потерь при частых в ту пору пожарах.

Наиболее сложной для крестьян, да и для властей была ситуация с выкупными платежами. Фактически включенные в состав казенных повинностей, выкупные платежи по объему примерно в 15 раз превосходили государственный земельный налог. В Воронежской губернии средний размер выкупных платежей бывших помещичьих крестьян был равен примерно 1 руб. 50 коп. – 1 руб. 70 коп. с десятины надельной земли. Из-за этого доля выкупных платежей в сумме всех денежных повинностей воронежских крестьян составляла примерно 70 %. Стоит напомнить, что в конце XIX в. крестьянское налогообложение существенно изменилось. На выкуп надельной земли были переведены и государственные крестьяне, численность которых в Воронежской губернии была гораздо более высокой, чем бывших помещичьих (71 % против 29 % в общем составе крестьянского населения).

В 1886 г. государство пошло на отмену подушной подати. Для государственных крестьян в целом по стране она составляла 17,8 млн руб. [11, с. 64]. Эту цифру причислили к сумме выкупа наделов. Выкуп, как и у бывших помещичьих крестьян, был обязательным, с рассрочкой на 44 года. Всего по стране крестьянами выкупалось 100,3 млн десятин земли. Из них государственные крестьяне выкупали 63,1 млн десятин, а бывшие помещичьи – 33 млн десятин. Свыше 4 млн десятин выкупали бывшие удельные крестьяне. Годовой же оклад по выкупным платежам составлял около 95,3 млн руб., или чуть меньше 1 руб. с десятины. При этом, писал А. М. Анфимов, у бывших государственных крестьян цена выкупа одной десятины составляла 81,3 коп., у бывших удельных – 73,1 коп., а у бывших помещичьих – 1 руб. 42 коп. [там же].

По Воронежской губернии оброчная подать бывших государственных крестьян была рассчитана на 521 230 душ. В их пользовании находилась 3 063 361 десятина удобной земли. С них причиталось 2 425 863 руб. оброчной подати (т. е. около 4 руб. с души или около 70 коп. с десятины) и 1 416 727 руб. подушной подати (т. е. около 2,5 руб. с души или 50 коп. с надела) [там же, с. 64]. Всего, таким образом, на десятину стало падать около 1 руб. 20 коп. новых выкупных платежей (кроме поземельного государственного налога, земских, мирских и страховых сборов).

Но 1 руб. 20 коп. с десятины – это в ту пору стоимость не более двух пудов ржи. Даже при очень скромном урожае в 50 пудов с десятины такой платеж обременительным назвать трудно. Тем не менее именно по выкупным платежам на рубеже XIX–XX вв. наблюдался самый существенный рост недо-

имок. Например, к 1 января 1898 г. размер оклада по выкупным платежам для всех категорий крестьян составлял в губернии 4 589 119 руб. 28 коп. Впечатляет, однако, не размер оклада, а объем накопившихся недоимок. Они составили к этой же дате 7 732 785 руб., т. е. почти в два раза больше годового оклада [12, с. 39–44]. В сумме, следовательно, размер долга по выкупным платежам превысил 12,3 млн руб. или примерно по 40 руб. в среднем на хозяйство. Впрочем, и эта солидная сумма сама по себе не могла считаться разорительной. По данным статистики, примерно такую же сумму в конце XIX в. крестьянский двор тратил в год на спиртные напитки. Но расходы на то и на другое могли действительно разорить даже средний по доходам двор.

Задолженность по всем видам сборов к началу XX в. стала хронической и даже обыденной. Показательны обобщенные сведения о финансовой задолженности отдельных уездов Воронежской губернии. Так, в рапорте Острогожского уездного исправника губернатору Е. А. Куровскому от 10 сентября 1890 г. положение с уплатой налогов в уезде выглядело следующим образом. Годовой оклад составлял 579 629 руб. 58 коп. при недоимках за предыдущие годы в 225 463 руб. 4 коп. Недоимки, таким образом, составляли почти 40 % годового оклада. Всего подлежало к поступлению в тот год 805 092 руб. 62 коп. К началу сентября в казначейство поступило разных казенных сборов 158 098 руб. 80 коп. Осталось, итожил исправник, получить по недоимкам 179 244 руб. 13 коп. и оклада 467 749 руб. 69 коп., а всего 646 993 руб. 82 коп. [13, л. 26]. Очевидно, что и в отчетном году погашения недоимок не предвиделось.

Зато относительно благополучным по платежам был Новохоперский уезд. Здесь размер недоимки был в 10 раз меньше, чем в Острогожском уезде, и составлял к 1 января 1890 г. всего 20 876 руб. 3 коп. Сумма же оклада казенных денежных сборов была здесь 486 043 руб. 48 коп. В душевом исчислении – примерно столько же было и в Острогожском уезде. Но в Новохоперском уезде к сентябрю недоимки были погашены в размере 13 609 руб. 72 коп. (осталась совсем небольшая сумма в 7266 руб. 31 коп.). Окладных же сборов было получено казначейством в размере 86 254 руб. 68 коп. Оставшаяся сумма в 309 788 руб. 80 коп. должна была погашаться по мере подведения итогов сельскохозяйственного года и полной уборки урожая [там же, л. 28].

При сопоставлении с общероссийскими усредненными данными заслуживают внимания сведения о ходе платежей по конкретным селениям. Сбором таких сведений энергично занимался губернатор Е. А. Куровский, совершивший в 1890 и 1891 гг. несколько контрольных поездок по уездам губернии. Показательны, например, представленные ему дан-

ные по Ровенской волости Острогожского уезда. На август 1890 г. в слободе Ровеньки с прилегающими хуторами числилось удобной земли 19 тыс. десятин. Эти земли принадлежали как бывшим государственным крестьянам (7345 мужских душ), так и бывшим помещичьим (342 мужских души). На ревизскую душу по данным 10-й ревизии 1858 г. здесь приходилось 6 десятин 600 кв. саженей, что почти вдвое превышало высшую норму надела для бывших помещичьих крестьян. Впрочем, рост населения привел к тому, что на наличную душу ко времени составления отчета здесь числилось уже без малого 4 десятины.

Причиталось с крестьян слободы всех видов платежей примерно по 1 руб. 50 коп. с десятины. Оклад за год составлял 36 370 руб., а по полугодиям 18 186 руб. 26 коп. и 18 184 руб. 86 коп. По казенным платежам числились еще и недоимки в размере 28,7 тыс. руб. Губернаторская проверка показала, что и поступления текущего года шли очень плохо. По недоимкам поступило только 4753 руб. 84 коп. Оклад первого полугодия – 3394 руб. 84 коп. Платежи второго полугодия поступили в символической сумме 43 руб. 17 коп. Видимо, от одного исправного крестьянина.

Размер земских сборов (уездного и губернского) в волости составлял по полугодиям 3319 руб. 22 коп. и 3274 руб. 23 коп. Эти сборы как минимум в пять раз уступали казенным, в которые включались выкупные платежи. Мирские сборы в волости составляли по полугодиям 1189 руб. 4 коп. и 1193 руб. 13 коп., всего за год 2382 руб. 17 коп., т. е. примерно по 11 коп. с десятины. Еще более скромными были тут страховые платежи. В год они составляли около 1700 руб., т. е. примерно 9 коп. с десятины [14, л. 42]. Общая нагрузка налогов и сборов на десятину составляла в волости с недоимками никак не больше 2 руб. 50 коп. с десятины. Тем не менее рост недоимок был внушительным.

Показательно, что уровень недоимок практически не зависел от материальной обеспеченности крестьянских хозяйств. Типичная картина того времени наблюдалась в многоземельной Новокриушанской волости Богучарского уезда. По последней ревизии перед отменой крепостного права здесь числилось 3207 мужских душ и 3124 женских. В 1890 г. уже числилось 3574 мужчины и 3602 женщины. В волости также проживали 19 купцов, мещан и разночинцев, 154 отставных солдата и 194 бессрочноотпускных, а также 346 солдатских жен и вдов. Всего в волости, таким образом, числилось 7895 жителей. Любопытно, что по Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, в волости полагалось не более 2000 душ мужского пола [15, с. 45].

Дворов в волости насчитывалось 1189. Удобной земли в их пользовании – 24 623 десятины 720 кв.

саженной. Был в волости и лес – 346 десятин 1200 саженной. На ревизскую душу здесь приходилось по 8 десятин 728 кв. саженной земельных угодий. Такие наделы более чем вдвое превышали высшую норму надела для бывших помещичьих крестьян. Судя по отчету уездного исправника за волостью числилось государственного поземельного налога 1974 руб. 29 коп. (т. е. примерно по 8 коп. с десятины). Выкупных же платежей числилось 23 213 руб. 12 коп. (т. е. примерно 95 коп. с десятины). Земский сбор (губернский и уездный вместе) был 3980 руб. 21 коп., что составляло примерно 18 коп. с десятины. Мирские сборы составляли в волости 2339 руб. 49 коп., т. е. по 10 коп. с десятины. Однако и в этой многоземельной волости платежи поступали в казну с большими недостачами. За весь 1890 г. выкупные платежи не вносились к сентябрю вообще, по государственному поземельному налогу были погашены только недоимки в 5040 руб. (при годовом окладе меньше 2 тыс. руб). Плохо шли платежи и по земским сборам. По ним поступила только часть недоимок (1215 руб. 26 коп., осталось недоимок 375 руб. 72 коп.). По сути дела, совсем не бедная волость попросту саботировала исполнение важнейшей государственной обязанности.

Примерно таким же было положение и в Старокриушанской волости того же уезда. В ней числилось 1115 дворов бывших государственных крестьян, численность которых по последней ревизии была определена в 2613 мужчин и 2618 женщин, всего 5231 человек. На сентябрь 1890 г. здесь проживало уже 3857 мужчин и 3822 женщины, или 7679 человек. Удобной земли у крестьян волости было 20 850 десятин 2160 кв. саженной. Душевой надел выглядел вполне достаточным – 7,6 десятины на ревизскую душу. Правда, к 1890 г. душевой надел составил уже 5,5 десятин, но по-прежнему заметно превосходил средний размер как по стране, так и по губернии. Налоги же и сборы поступали в казначейство от этой волости не лучше, а хуже, чем от других волостей, в том числе и менее обеспеченных земель. Годовой оклад был определен здесь в 26,1 тыс. руб., разделенный надвое равномерно по полугодиям. Однако за первое полугодие поступали лишь 2700 руб., а за второе полугодие к сентябрю еще вообще ничего не поступило. Зато свои мирские сборы собирались здесь вполне исправно. Определенные на первое полугодие 1373 руб. 4 коп. поступили полностью, начали поступать платежи и за второе полугодие [13, л. 38].

Печальную картину с поступлением сборов можно дополнить данными по Березняковской волости Богучарского уезда. По ревизии 1858 г. в волости проживало 4319 мужских и 4357 женских душ. Но к 1890 г. население заметно увеличилось; здесь числилось уже 5449 мужских и 5486 женских душ. В волости насчитывалось 1763 двора в 6 селениях. Кре-

стьянской надельной земли было 31,8 тыс. десятин и 643 десятины леса. Удобной земли на ревизскую душу приходилось по 7,4 десятины. Оклад 1890 г. по выкупным платежам составлял 30 029 руб. 91 коп., или чуть меньше 1 руб. с десятины в год. В недоимках на 1890 г. состояло 10 150 руб. 52 коп. Оклад земского сбора составлял 5469 руб. 29 коп., или примерно 17 коп. с десятины. Недоимок по земскому сбору было немного – 548 руб. 71 коп. Государственный поземельный налог по волости – 2724 руб. 70 коп., или примерно 9 коп. с десятины. Мирские сборы здесь были небольшими – 1180 руб. 81 коп., или менее 5 коп. с десятины. Всего, таким образом, налоговая нагрузка без страховых сборов составляла здесь очень умеренную цифру – около 1 руб. 30 коп. Тем не менее и здесь накопились внушительные недоимки по выкупным платежам (около 30 % оклада).

Еще хуже было положение с платежами по лесному налогу. Его годовой оклад составлял 1576 руб. 86 коп., а недоимок по нему числилось уже 14 248 руб. 89 коп. [там же, л. 41]. Иначе говоря, крестьяне просто не платили лесному налогу уже в течение 10 лет. Такая ситуация могла возникнуть только потому, что крестьяне попросту уклонялись от уплаты тех налогов, которые считали несправедливыми, а потому и необязательными. При 7 десятинах душевого надела или при почти 20 десятинах на двор стоимость урожая при трехпольном севообороте должна была оцениваться почти в тысячу рублей. А ведь были еще и промыслы, зимние постоянные и летние поденные заработки. Налоговая нагрузка в 30 руб. на двор никак не могла быть для крестьян обременительной.

Зато относительно благополучным считалось, например, положение в Рождественской волости Новохоперского уезда с заметно меньшей земельной обеспеченностью. В этой многолюдной волости числилось 16 643 жителя. Крестьянское население было представлено следующим образом: мужчин 7419, а женщин 7488. Кроме того, в составе волостного населения были 85 купцов, 410 отставных солдат, 432 солдата отпускных, 809 солдатских жен и вдов. Волость насчитывала 2442 крестьянских двора. Им принадлежало почти 31 625 десятин удобной земли. Владели они и 2841 десятиной леса. На ревизскую душу здесь приходилось 4 десятины 230 кв. саженной земельных угодий. Это почти вдвое меньше, чем в Новокриушанской и Старокриушанской волостях Богучарского уезда. Однако платежи поступали здесь куда более исправно. По государственному земельному налогу (3799 руб. 92 коп.) недоимок вообще не было. В счет оклада 1891 г. поступило уже к лету 1296 руб. 48 коп.

Впрочем, выкупные платежи и здесь шли вяло. Как и всюду, они более чем в 10 раз превышали раз-

мер государственного земельного налога и составляли 42 724 руб. 74 коп. на 1891 г. К моменту губернаторской ревизии в августе 1891 г. кроме оклада по выкупным платежам здесь числились недоимки в размере 2497 руб. 33 коп. Поступило недоимок 1147 руб. 98 коп., оклада же только 5603 руб. 44 коп. По страховым взносам оклад составлял 4760 руб. 66 коп. (т. е. примерно по 2 руб. на двор), недоимок же числилось 3130 руб. 27 коп. В год проверки крестьяне охотнее вносили страховые платежи и внесли 3476 руб. 23 коп., но зато практически не погасили недоимок; внесли всего только 69 руб.

Не было в волости недоимок по уездным земским сборам, размер которых был определен в 5584 руб. 73 коп. (т. е. примерно 17 коп. с десятины). Поступило 1427 руб. 14 коп. и ожидалось к концу года еще 4162 руб. 59 коп. Практически не было недоимок и по губернскому земскому сбору, размер которого составлял 1060 руб. 13 коп. Мирские сборы в этой волости оказались выше земских и равнялись 6717 руб. 74 коп. оклада и 1022 руб. 78 коп. недоимок. По этим сборам в счет недоимок поступило 646 руб. 67 коп. и оклада 2101 руб. 6 коп.

Всего же в волости по всем видам платежей причиталось собрать 6655 руб. 50 коп. недоимок и оклада 64 652 руб. 92 коп. Осталось получить 4791 руб. 85 коп. недоимок и 50 724 руб. 9 коп. оклада [там же, л. 39]. Как видно, сами крестьяне этой волости не считали налоги чрезмерными. На десятину здесь падало чуть больше 2 руб. Между тем стоимость собранного урожая с одной десятины была в районе 75–80 руб., десятин же на двор приходилось почти по 15.

Объективные условия хозяйствования во всех уездах губернии были примерно одинаковыми, поэтому большое различие в исполнении финансовых повинностей можно было объяснить прежде всего разным отношением к этому вопросу со стороны администрации и населения. Если местные власти проявляют халатность, то крестьянство быстро адаптируется к ситуации. Зачем платить, если неплательщику недоимки фактически прощаются?

При анализе статистических данных, которые регулярно собирались местными властями, складывается впечатление, что должной финансовой и налоговой исполнительности не было ни в одном уезде и ни в одной волости. И, что самое печальное, к такой ситуации привыкало население, привыкали и власти. Представления о законности платежей и сборов были либо вовсе не развиты, либо решительно расходились с представлениями администрации. Низкая финансовая дисциплина наблюдалась повсеместно. Об этом, в частности, свидетельствовал московский губернатор В. Ф. Джунковский в 1908 г.: «С отменой выкупных платежей окладные сборы с крестьянских на-

дельных земель очень понижены, и, казалось бы, поступление их должно идти безнедоимочно, между тем как за прошлый год, так и за первые месяцы этого года сборы поступают неудовлетворительно. Такое явление не может быть объяснено иначе как упорством неплательщиков и недостаточными мерами понуждения к уплате сборов. Вот на это я и обращаю серьезное внимание земских начальников» [6, с. 323].

На всех уровнях государственного управления бытовало довольно спокойное признание того, что ничего поделать тут нельзя, да, видимо, и незачем, ведь основные доходы государственный бюджет стал получать не от прямых, а от косвенных налогов. Казна свое добирала за счет роста покупательной способности населения. Рост косвенных налогов был невозможен без общего подъема экономики страны, значит, и без роста материального благосостояния народа.

О низком уровне налоговой ответственности крестьянства губернии свидетельствовал и такой факт. Практически до конца XIX в. сельские общества имели право разрешать открытие на своей территории частных питейных заведений. За такие разрешения они взимали плату с хозяев трактиров и кабаков. А вырученные средства использовали для покрытия долгов по налогам и сборам. При господствовавшей в русской деревне круговой поруке такой способ покрытия налоговых долгов был крестьянам удобен. Администрацию же он избавлял от крайне нудных и зачастую бесплодных хлопот по выколачиванию налоговых задолженностей с каждого крестьянского двора. Однако в конце XIX в. по инициативе министра финансов С. Ю. Витте в России была введена государственная винная монополия, и право на подобные разрешения перешло к коронной администрации. Болезненную проблему роста крестьянской задолженности пришлось затронуть на очередной сессии губернского земского собрания в 1901 г. Председатель Воронежской губернской земской управы А. И. Урсул сообщил, что от введения винной монополии сельские общества губернии потеряли в год около 546 тыс. руб. В Воронежском уезде введение винной монополии привело к потере сельскими обществами до 33 700 руб. Часть этих денег тратилась на уплату повинностей, а часть – на школьное образование. Чтобы пополнить эту потерю, Урсул полагал возможным повысить в пределах губернии плату за ведро водки на 41,63 коп. с тем, чтобы полученные таким путем средства остались в распоряжении земства. Но после введения государственной монополии такая наценка на водку не могла быть осуществлена без разрешения Министерства финансов. Минфин ходатайство воронежских земцев категорически отклонил [16, л. 8]. Правительственная власть ревниво оберегала свою компетенцию.

Отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей позволила крестьянам существенно увеличить доходность своих хозяйств. Как следствие, с 1910 г. до начала Первой мировой войны в Воронежской губернии наблюдалось снижение социальной напряженности. Увеличение денежных накоплений у большинства крестьянских хозяйств позволило местной администрации и земским учреждениям активизировать деятельность по структурной реорганизации сельской экономики. Дополнительные импульсы получило новое землеустройство, связанное с переходом от общинного землевладения к подворному (отрубному), а также массовое развитие кооперативов (кредитных, потребительских, промысловых, сбытовых и др.). С отменой выкупных платежей община стала терять защитные функции, а за снижением налогового бремени последовал существенный рост эффективности крестьянских хозяйств, в первую очередь тех, кто покинул общину по столыпинскому закону 9 ноября 1906 г. Ускорилось перераспределение земельного фонда губернии. К началу мировой войны крестьянство сосредоточило в своей собственности примерно 90 % материальных ресурсов сельского хозяйства губернии.

Данные по Воронежской губернии убеждают, что перед мировой войной положение с налоговыми платежами начало стабилизироваться. По сведениям губернского статистического комитета, 1914 г. в финансовом отношении губерния встречала в неплохом состоянии. Недоимок по окладным сборам числилось всего 242 937 руб. 50 коп., что было меньше, чем год назад, на 310 579 руб. 71 коп. Оклад же 1914 г. составлял 885 417 руб. 63 коп. Но зато от продажи пива в 1913 г. казна получила от Воронежской губернии 19 338 572 руб. 13 коп. В 1914 г. поступление от продаж спиртных напитков резко сократилось (на 10 656 181 руб. 76 коп.) и составило всего 8 682 390 руб. 46 коп. Действовал запрет на продажу спиртных напитков, установленный 26 июля 1914 г. Понятно, что в 1915 и 1916 гг. казна не добрала еще больше. Между тем из-за подорожания сельскохозяйственной продукции в карманах крестьян и вообще сельских производителей остались внушительные суммы. Налоги же стали выплачиваться вновь очень плохо. В общем окладе казенных сборов поземельный налог составил 655 916 руб. 70 коп., взыскано же было 387 569 руб., т. е. уплатили крестьяне, грубо говоря, всего по пятаку за десятину.

Губернский земский сбор исчислялся в сумме 2 173 962 руб. 24 коп. Собрать удалось 1 586 258 руб. 88 коп. Уездные земские сборы в 1914 г. составили 5 839 314 руб. 41 коп., собрали же 4 324 603 руб. 83 коп. Впрочем, для военного времени эти данные можно считать удовлетворительными [17, с. 39–44].

Важный аспект проблемы: существенным ли было снижение налогового бремени после отмены

выкупных платежей? Например, в Петропавловской волости Богучарского уезда в 19 селах и деревнях проживали 10 551 (5229 мужчин и 5322 женщины) бывший государственный крестьянин и 593 бывших помещичьих крестьянина (304 мужчины и 281 женщина) при общем числе дворов 1826. У бывших государственных крестьян было в общинной собственности 22 684 десятины 13 кв. саженой удобной земли при душевой обеспеченности на ревизскую душу в 6 десятин 15 кв. саженой. Земельное обеспечение бывших помещичьих крестьян было значительно более скромным: в их собственности находилось 352 десятины 3 кв. сажени земли, а всего в крестьянском надельном землевладении здесь было 23 036 десятин 16 кв. саженой земли. Так вот сумма казенных и земских сборов здесь распределялась по полугодиям следующим образом: 16 509 руб. 5 коп. за первое и 16 508 руб. 91 коп. – за второе. Всего за год всех налогов причиталось с волости 33 017 руб. 96 коп. Как и в большинстве волостей, на десятину удобной земли приходилось примерно 1,5 руб. налогов и сборов. При этом бывшие оброчные подати, трансформированные к концу века в выкупные платежи, составляли 25 925 руб. 45 коп. [13, л. 35]. Так что отмена выкупных платежей была действительно крупной мерой по улучшению финансового положения крестьянских хозяйств. Но она была одновременно и мерой вынужденной: хронические недоимки ставили государство, прямо скажем, в крайне неприятное положение безнадёжного и всем надоевшего конфликта с общинным крестьянством.

Как отмечено выше, после ликвидации выкупных платежей стали быстро расти земские сборы. Например, в Валуйском уезде Воронежской губернии с 1905 по 1915 г. они выросли более чем в пять раз, с 123 712 руб. 50 коп. до 700 571 руб. 5 коп. Надо помнить, однако, что основной рост дали сборы с недвижимости и доходов коммерческих предприятий. С землевладельцев брали мало, без учета роста их реальной доходности, причем намного. Так, ценность десятины земли в уезде для обложения была принята уездным собранием в 33 руб. (реальные рыночные цены были в 6–7 раз более высокими и приближались в 200 руб. за десятину), доходность же десятины определялась вкруговую в уезде в 2 руб. с десятины. Это тоже была явно заниженная цифра.

Вывод вполне очевиден: крестьяне не платили выкупные платежи, главным образом, не потому, что не могли, а потому, что не хотели или не считали их справедливыми. Роль своеобразной социальной защиты при этом играла община с ее круговой порукой. Сталкиваясь с солидарными действиями общинников, власти, как правило, попросту отступали. Эпизодические списывания недоимок не улучшали, а еще больше ухудшали положение дел. Известно, что в

связи с рождением наследника недоимки по выкупным платежам были списаны манифестом 11 августа 1904 г., а к тому времени недоимки превышали годовой оклад.

Впрочем, сводить проблему недоимок только к саботажу или недостаткам податной системы – значит сильно упрощать проблему. Важным фактором расшатывания налоговой дисциплины была низкая денежная доходность крестьянских хозяйств. На фоне успехов промышленного развития откровенно слабая эффективность сельскохозяйственного труда становилась все более очевидной. Земские статистики, главой которых на протяжении 20 лет был признанный мастер своего дела Ф. А. Щербина, информировали в 1895 г. управу, что средний размер долгосрочной аренды одной десятины земли в губернии равнялся 4 руб. 45 коп. Поскольку долгосрочная аренда падает на все виды угодий и учитывает хозяйственные риски, постольку она близко выражает собой чистую доходность земли. При этом «чистая доходность земель по Воронежской губернии, при лучших условиях, составляет лишь 21,2 % долга, лежащего на землях, а ежегодное погашение долгов и платежей поглощает около 67,4 % этой доходности, т. е. из каждых 4 руб. 45 коп. на долю владельца и хозяйства остается 1 руб. 45 коп., а на погашение идет 3 руб.» [18, л. 146].

Еще хуже было положение в крестьянских общинных хозяйствах. За пореформенные десятилетия общая задолженность крестьянских хозяйств по платежам достигла огромной суммы в 22,5 млн руб., или почти по 71 руб. на двор. «У частных владельцев, – с горечью констатировали земцы, – за покрытием задолженности и платежей остается по 1 руб. 45 коп. с десятины, у крестьян же не только не оказывается никаких остатков, а образуется даже дефицит в 5 руб. 54 коп. на десятину» [там же, л. 148].

О бездоходности крестьянских посевов много раз с тревогой говорили многие специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянских наделов не превышали 50 пудов с десятины, а за вычетом посевного зерна чистый урожай составлял всего около 40 пудов. Подсчеты показывали, что затраты были не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена (около 1 руб. за пуд) едва их покрывала [19, с. 8].

Можно согласиться с тем, что нарастание революционного кризиса в Российской империи объяснялось не финансовыми тяготами и не денежным обеднением крестьянства. Но только на этом основании нельзя, конечно, делать вывод о материальном благополучии русской деревни. Высоких доходов не было, а при натурально-потребительском хозяйстве крестьянского двора и быть не могло. По подсчетам Ф. А. Щербины, душевой доход крестьян Острогжского уезда в конце 1880-х гг. составлял 83 руб.

87 коп., тогда как у французских крестьян он достигал 165 руб. 24 коп., а в фермерских хозяйствах штата Луизиана в Америке – 287 руб. 94 коп. [20, с. 193]. Перспективы же ее развития он видел в неуклонном развитии средних потребностей. В современную ему эпоху эти потребности были убоги, а душевые расходы на жизненные потребности в крестьянской семье составляли около 30 руб. в год.

Все эти удручающие цифры свидетельствовали о том, что до подлинно рыночных отношений в земельном секторе было еще очень далеко. Впрочем, крестьянская общинная экономика никогда не была рыночной. Крестьянское земледелие носило натурально-потребительский характер: основная цель его заключалась в обеспечении семьи необходимым продовольственным минимумом. Поэтому-то крестьяне стремились к сохранению цены на хлеб на возможно более низком уровне. Для абсолютного большинства из них хлеб не являлся источником получения прибыли, он был жизненно необходим, так сказать, в натуральном виде. Невзирая на затраты, крестьянин-общинник стремился обеспечить семью всем необходимым и крайне редко выходил на рынок в качестве как продавца, так и покупателя. Подчеркивая, что дешевый хлеб крестьяне считали благом, земские статистики тут же отмечали, что потребности населения в Воронежской губернии «оказываются крайне неразвитыми, ограниченными и примитивными». Есть, писал Щербина, глубокая разница «между потребностями людей, стоящих на разных ступенях исторического развития или принадлежащих к разным классам» [там же, с. 99]. В справедливости этого вывода сомневаться не приходилось. Можно напомнить, что в написанном в ту же эпоху рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» при перечислении доходов доктора Дымова писатель отметил, что частная практика этого честного врача давала ему совсем немного – около 500 руб. в год. Между тем для крестьянского двора валовой доход в 500 руб. в год считался совсем неплохим. Средние расходы на душу в крестьянском хозяйстве в начале века составляли 53 руб. 5 коп. в год, причем на удовлетворение личных потребностей расходовалось 25 руб. 70 коп., а на удовлетворение хозяйственных нужд – 27 руб. 35 коп., т. е. в сутки на личное потребление тратилось всего 7 коп. Понятно, что живший в городе доктор тратил денег во много раз больше, поскольку имел совсем иной уровень потребностей. Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии сколько-нибудь солидного капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Видимым парадоксом крестьянской экономики пореформенного времени можно считать тот факт, что доходы малоземельных хозяйств были преиму-

щественно денежными, а хозяйств с достаточными или даже большими наделами – в основном натуральными. Многоземельные крестьяне, как правило, обеспечивали себя всеми продуктами собственного производства и от денежных доходов зависели мало. Большие наделы требовали большого труда и давали крестьянину все необходимое. По признанию самих крестьян, с земли они жили, деньги же на налоги получали с промыслов. Напротив, «чем беднее хозяйство, тем больше средств расходуется в нем в частности на пищу, как важнейшую из личных потребностей» [там же, с. 127]. По подсчетам того же Щербины, продукты труда в натуральной форме у воронежских крестьян составляли около 55 % всех доходов двора, при этом от земледелия доходность в натуральной форме была 83 %, а в денежной – только 17 %. Денежная же часть доходов крестьянского двора составлялась, главным образом, от местных и отхожих промыслов [там же, с. 183–185].

Слабая исполнительность крестьянства по финансовым повинностям была не только следствием недостатков налоговой политики, но и отражением продолжавшегося господства натурально-потребительского хозяйства в экономике русской деревни. Невысокая денежная доходность, общинный характер социальных отношений и, как следствие, неразвитость гражданского сознания порождали условия для подрыва финансовой исполнительности в среде сельского населения. При невысокой эффективности деятельности администрации создавались условия для разрастания системного кризиса государственного строя. Такой кризис стал одним из объективных факторов русской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах / Ю. Э. Янсон. – СПб., 1881.

2. Христофоров И. А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.) / И. А. Христофоров. – М., 2011.

*Воронежский государственный университет
Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
E-mail: karpach@mail.ru*

3. Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века (1901–1912) / А. М. Анфимов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. – Минск, 1964.

4. Анфимов А. М. Неоконченные споры / А. М. Анфимов // Вопросы истории. – 1997. – № 6.

5. Нефедов С. А. О благосостоянии дореволюционной России / С. А. Нефедов // Вопросы истории. – 2011. – № 5.

6. Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский. – М., 1997. – Т. 1.

7. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России / Б. Н. Миронов. – М., 2010.

8. Давыдов М. А. Проблема крестьянских недоимок / М. А. Давыдов // Родина. – 2014. – № 4.

9. Ананьич Б. В. Заметки по поводу статьи Б. Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» / Б. В. Ананьич // Экономическая история. Ежегодник. – 2002.

10. Нефедов С. А. К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России / С. А. Нефедов // Российская история. – 2011. – № 1.

11. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. / А. М. Анфимов. – М., 1984.

12. Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 год. Отд. 2. – Воронеж, 1900.

13. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 7.

14. ГАВО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 8.

15. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. – М., 1989. – Т. 7.

16. ГАВО. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 1266.

17. Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Отд. 2. – Воронеж, 1916.

18. ГАВО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 2232.

19. Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. – 1915. – № 1.

20. Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты / Ф. А. Щербина. – Воронеж, 1900.

*Voronezh State University
Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Russian History Department
E-mail: karpach@mail.ru*